«Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты».

Семинар Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС 10 мая 2018 года

Э.Н. Крылатых, Ц. Лерман, А.С. Строков, В.Я. Узун, Н.И. Шагайда

Эльмира Николаевна Крылатых, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Цви Лерман, профессор эмеретус Университета Хеврона в Иерусалиме. 76100, Израиль, Реховот, 12. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Антон Сергеевич Строков, ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: strokov-as@ranepa.ru

Василий Якимович Узун, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru

Семинар, посвященный оценке структурных изменений в сельском хозяйстве: методическим подходам и планируемым результатам, прошел под руководством директора Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ Натальи Ивановны Шагайды и состоял из двух основных докладов и дискуссии по ним.

Первый доклад «Международные методические подходы к оценке структурных изменений в сельском хозяйстве» был представлен профессором Иерусалимского университета Цви Лерманом. В нем в сравнительной динамике были проанализированы показатели структурных изменений в сельском хозяйстве таких постсоциалистических стран, как Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Со вторым докладом «Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве России: гипотезы и методы исследования» выступил профессор Узун Василий Якимович, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС. Он подробно остановился на структурных изменениях в сельском хозяйстве России и уделил особое внимание институциональным компонентам аграрных структурных изменений, связанным с так называемым соотношением крупных и малых форм аграрного производства. В центре развернувшейся дискуссии оказался феномен агрохолдинга как главного генератора современных многообразных и неоднозначных изменений в современном сельском хозяйстве России.

Ключевые слова: сельское хозяйство, постсоциалистические страны, структурные изменения, агрохолдинги, методы исследования

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-102-126

Н.И. Шагайда: Одно из направлений работы нашего Центра — анализ структурных изменений сельского хозяйства субъектов Российской Федерации и разработка рекомендаций правительству по совершенствованию государственного регулирования развития сельского хозяйства, вернее даже, по совершенствованию аграрной структуры. Как известно, в развитых странах мира существуют различные механизмы влияния на аграрную структуру, которая складывается не стихийно, а находится под влиянием государства, которое, например, может ограничивать суммы субсидий и таким образом заставить крупных предпринимателей искать иные формы организации. Или опыт регулирования аграрной структуры в Германии, где любая земельная сделка, связанная с увеличением хозяйства, должна быть одобрена органами власти. Это делается потому, что есть риск: слишком крупное предприятие может поставить в неравные условия более мелкие.

На первом этапе мы хотели понять, как изменились размеры организаций и крестьянских хозяйств, их специализация и размещение на разных территориях. Соответственно, мы поставили перед собой следующие задачи: оценить изменения аграрной структуры; выявить различия аграрных структур таких крупных экономик, как США и Россия; отследить изменения типов аграрных структур в нашей стране и изменения размеров организаций; оценить изменения специализаций крестьянских хозяйств; оценить их размещение.

На обсуждении нашей темы в РАНХиГС нам задали вопрос: «А для чего вы это все оцениваете? Сможете ли в конце концов сказать, что вот эта изменившаяся структура соответствует или нет более эффективному сельскому хозяйству?» Однако, на мой взгляд, сначала нужно зафиксировать изменения, а уже потом перейти к оценке эффективности. И речь не всегда идет об эффективности производства, это еще и устойчивость развития сельских территорий, оценка которого еще более сложная проблема, чем оценка эффективности сельскохозяйственного производства.

Мы сейчас находимся на первом этапе работы — делаем обзор методик анализа аграрной структуры, выделения типов аграрных структур и систематизации регионов по этим типам. Мы пригласили профессора Цви Лермана, который занимается изучением аграрных структур на постсоветском пространстве, выступить у нас с докладом «Международные методические подходы к оценке структурных изменений в сельском хозяйстве».

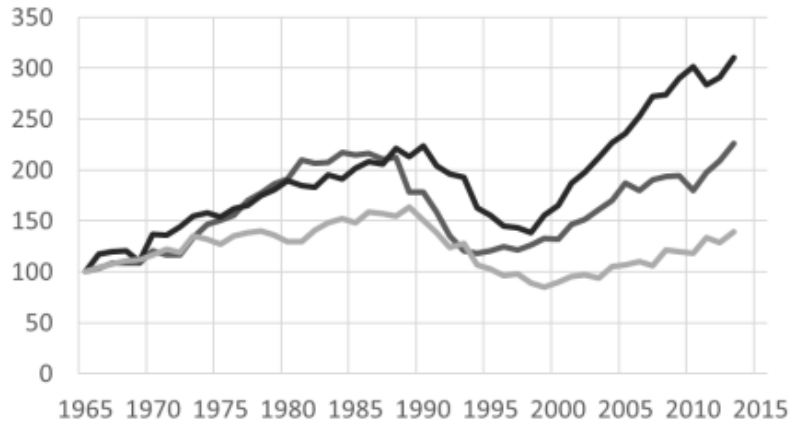
Ц. Лерман: Я очень рад быть в Москве, но несколько удивлен, потому что знаком с работами Натальи Ивановны Шагайды и Васи-

лия Якимовича Узуна. На мой взгляд, они и так прекрасно знают, как определять и идентифицировать структурные изменения. Но тем не менее я подготовил презентацию, основанную на моем личном опыте и взгляде на структурные изменения. Это очень простая презентация — вот ряд графиков из моих работ по разным странам, а после мы вместе сможем обсудить их.

Изучение структуры сельского хозяйства для меня начинается со статистики, а значит, нам нужны хорошие данные, длинные ряды и т. п. Но главные индикаторы — валовое производство, ресурсы, земля, труд, материально-техническое снабжение, организационные формы сельхозпроизводителей, в том числе то, что Наталья Ивановна упомянула в рамках своих задач — крестьянские фермерские хозяйства, а для меня личные подсобные хозяйства. Это очень важный компонент структуры сельского хозяйства, я надеюсь, из моих графиков будет понятно почему. И, конечно, надо смотреть на физическую структуру производства, а не только на валовую продукцию — сколько мы получаем от сельского хозяйства в денежном выражении. Нужно смотреть и на номенклатуру производства (что мы производим), и на структуру (сколько производим, куда идут посевные площади и т. д.).

Кроме этих индикаторов, которые довольно полно отражены в официальной статистике, важно добраться до других, более «мягких» индикаторов. Это индикаторы рыночной инфраструктуры: каналы снабжения, каналы реализации, каналы и объемы экспорта, структура экспорта, доступ к технике, доступ к материально-техническому снабжению. Кроме рыночной инфраструктуры важна и финансовая — это часть рынка, но я ее выделяю, потому что это нефизическая инфраструктура: существование и доступность банковской системы, доступ производителей к кредитам, государственная поддержка производителей, лизинговые операции.

Начнем с валового производства. На первом слайде я поделил страны СНГ на три группы: темно-серая — это Закавказье, черная кривая — это Средняя Азия, а светлая — европейские страны СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Молдова). Если бы я не поделил их на три группы, у нас получилось бы 12 перекрывающих друг друга кривых — так что было бы очень трудно разобраться в ситуации. Объединение в группы дает довольно ясную картину — валовая продукция растет быстрее всего в странах Средней Азии. Закавказье (Армения, Грузия, Азербайджан) — на втором месте. Европейские страны СНГ — на третьем с гораздо более медленным ростом. Но нас интересуют структурные изменения. Первое. Переход от роста к спаду валовой продукции четко попадает на 1989–1990 годы — мы знаем, какое структурное изменение произошло тогда. Второе структурное изменение — восстановление роста — наметилось в разных регионах в разные годы, раньше всего в Закавказье в 1992–1993 году, когда Армения и Грузия перешли на индивидуальные хозяйства и там переста-

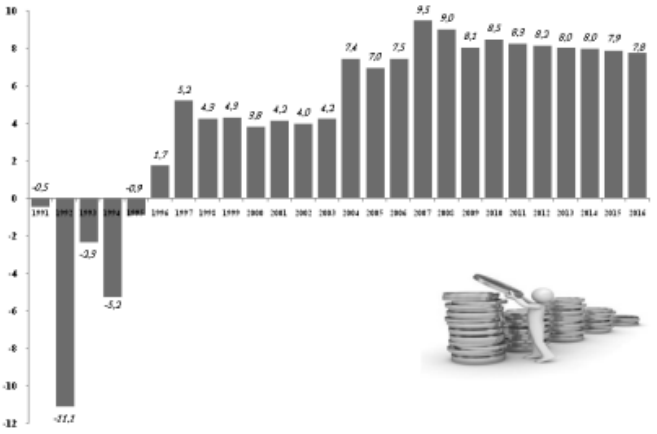

Слайд 1. **Валовое производство (в процентах 1965 года)**

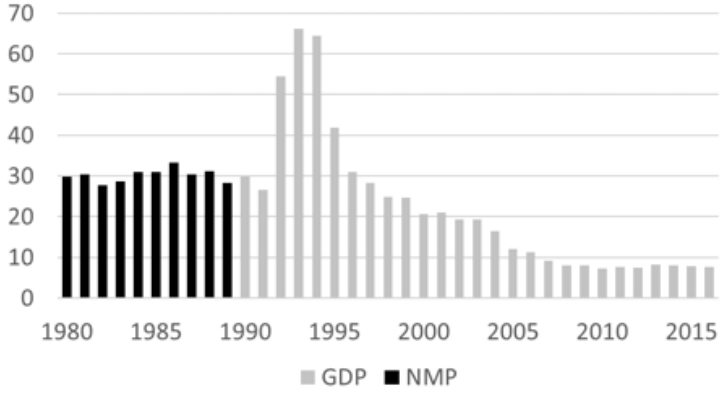
ли существовать сельскохозяйственные организации. В Средней Азии это изменение произошло в 1996 году. В европейских странах СНГ — в 1998–1999 годы, но его влияние было гораздо слабее, чем в других регионах.

Изменения валовой продукции мы можем измерять двумя показателями. То, что вы видели на слайде 1, — это индекс роста. Он рассчитывается из данных годовых изменений. Слайд 2 представляет годовой рост валового сельскохозяйственного продукта Узбекистана в процентах к предыдущему году — как он рос и снижался из года в год. На слайде 1 данных у меня больше, потому что я их собирал с 1965 года и графики делал долгосрочные. На слайде 2 представлены официальные данные, которые я скопировал из последнего узбекского статистического сборника, где все начинается только с 1991 года, но и это очень показательно: спад производства с 1991 года и рост с 1996–1997 года. И тут структурные изменения тоже отчетливо видны.

Следующий важный показатель — доля сельского хозяйства в ВВП. Во всех странах можно рассчитать такие показатели, они полезны тем, что их рассчитывают в текущих ценах, тогда как графики индексов требуют данные в сопоставимых ценах (они существуют или их следует специально рассчитать на основании индексов цен). В социалистический период был совершенно другой показатель вместо ВВП — чистый материальный продукт. На слайде 3 эти два ряда показаны для Грузии на одном графике: темные столбики — доля ЧМП по социалистической методологии, светлые столбики — доля ВВП по общепринятой метрологии. Обычно в странах СНГ ряды ВВП начинаются с 1992 года, но в статистическом комитете Грузии удалось пересчитать 1990 и 1991 годы по методологии расчетов ВВП и эти разные ряды сливаются довольно гладко. Ясно, что в первые годы постсоветского периода роль сель-

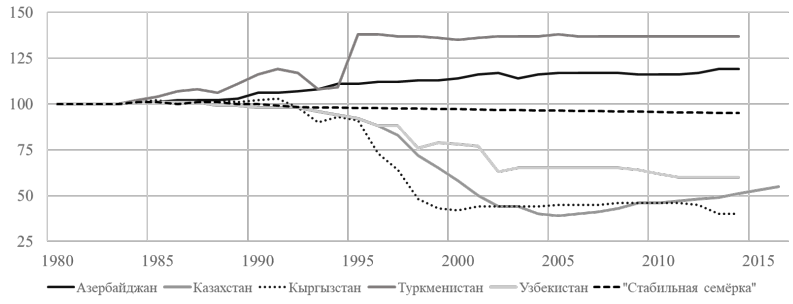
Слайд 2. **Годовой рост ВВП Узбекистана (в процентах от предыдущего года)**

Слайд 3. **Доля сельского хозяйства в ВВП (Грузия, 1980–2015)**

ского хозяйства была высока, а потом она постоянно снижалась и сейчас дошла до 5%.

Как оценивать то, что произошло здесь в советский и постсоветский периоды, — трудно сказать, потому что методология различается. Всегда, когда мы имеем дело со статистикой, надо очень аккуратно смотреть на содержание данных. Но все же отметим, что сначала не было роста, не было изменений, роль сельского хозяйства была более или менее стабильная. Потом вдруг его значение возросло, что понятно — была гражданская война в Грузии, землетрясение в Армении, в Азербайджане убийства бесконечные, народ бежал из города в деревню, чтобы было чем питаться, и сельское хозяйство быстро росло. А потом нормализация — люди начали возвращаться в город, к другим занятиям, и роль сельского хозяйства уменьшилась до уровня западных стран — около 5% от ВВП

Слайд 4. **Индекс площади сельхозугодий 1980–2013 (СНГ, 1980=100)**

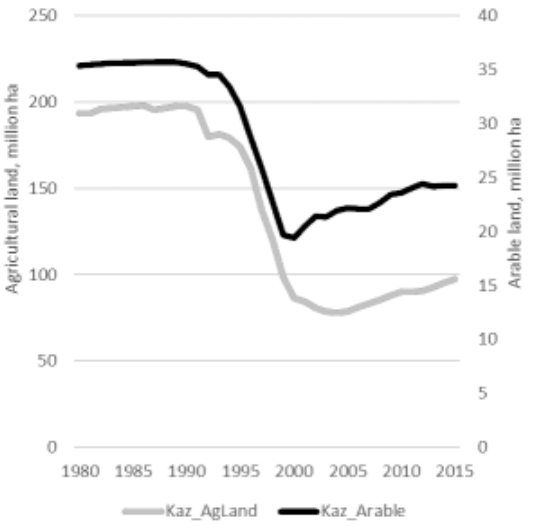
в Грузии (2016 год). Я точно не помню российские цифры, но думаю, у вас тоже на уровне 5–6%. Да, 4% — это нормальный уровень для стабильного развития западных стран.

Земля — другой наш (аграрников) любимый индикатор.

Слайд 4 представляет агрегированные данные — шесть кривых, представляющих 12 стран. Здесь отражены изменения сельхозугодий (не пашни, а именно сельхозугодий) с 1980 до 2015 год по отдельным странам и по группе, которая включает семь стран. Эту группу я называю «стабильная семерка»: Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Таджикистан. Тут стабильность не является результатом простого осреднения: даже если я эту группу расчленяю на семь кривых, они все идут вместе, пучком, что показывает стабильность по всем странам группы.

В Туркменистане произошло что-то странное: в советское время рост числа земель в результате орошения, потом стабильность, но забыли об обновлении сетей орошения — все запущено, и из-за чего образовалась пустыня. Орошение там необходимо, без него все запущено и ничего не растет. Азербайджан — совершенно другое поведение, постоянный стабильный рост: там не происходило большого структурного изменения в смысле орошаемых земель или сельхозугодий. Кыргызстан и Казахстан — вообще трагедия: спад на 40%, а потом стабилизация. Узбекистан — тоже угодья уменьшаются: запустение, плохое качество обработки и орошения.

Слайды 5–6 дают более детальную картину для Казахстана и Кыргызстана, где указаны и пашня, и сельхозугодья. Почему пашня (черная линия) на графиках выше сельхозугодий (светлая линия)? Потому что я пользуюсь разными масштабами, чтоб разделить эти кривые, иначе пашня была бы где-то внизу, прижата к горизонтальной оси, и динамика была бы совершенно неразличима. Пользуясь разными масштабами, я раздвинул кривые, и в Казахстане мы видим громадный спад в 1992 году и по пашне, и по сельхозугодьям. Это индикатор глубокого структурного изменения в Казахстане. В Кыргызстане сократились только сельхозугодья, а пашня осталась почти на прежнем уровне, и об-

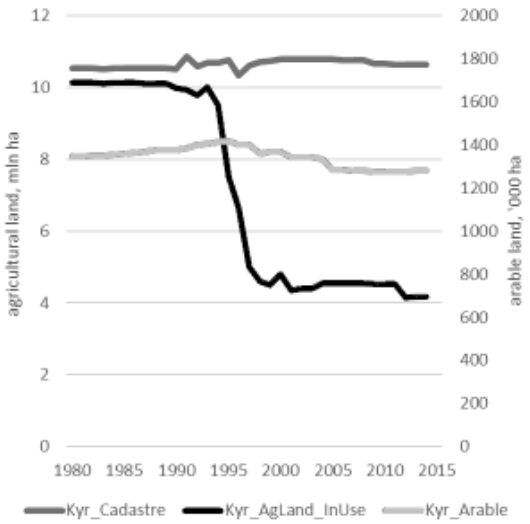

Слайд 5. **Покинутые земли в Казахстане**

щий уровень по отчетности госкомзема здесь постоянный (серая кривая на слайде 6). Таким образом, пастбища перетекали в земли запаса, размеры которых росли все время, а пашня осталась на том же уровне. Итак, эти слайды показывают совершенно другое поведение, иную форму структурного изменения в Казахстане и Кыргызстане

Как эти земли распределяются по хозяйствам разных размеров? Если бы земли были распределены равномерно, тогда мы бы шли по диагонали в центре слайда 7: один процент хозяйств имел бы 1% земли, десять процентов хозяйств имели бы 10% земли, и так далее. Но в реальности, как, например, в США как рыночной экономике присутствует неравномерность распределения земли между мелкими и крупными хозяйствами.

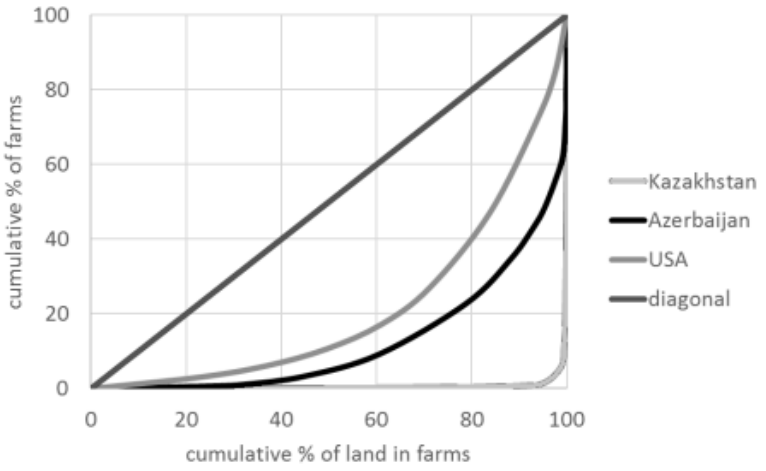
Повсюду в мире у сравнительно большого количества мелких хозяйств меньше доля земли, чем у сравнительно небольшой доли крупных хозяйств (например, у 20% хозяйств свыше 60% земли в рыночной экономике; светлая кривая для США на слайде 7). А вот что происходит в Казахстане (прямой треугольник на слайде 7): мизерные проценты земли у всей совокупности мелких хозяйств, которых сотни тысяч, включая ЛПХ и фермерские хозяйства, 90% угодий — у крупных хозяйств. Азербайджан — страна, которая прошла через серьезные структурные изменения, и ее кривая посередине: они не дошли до рыночной экономики, но уже далеки от бимодальной социалистической экономики (черная кривая на слайде 7). Со временем эти кривые меняются, потому что реформы в сельском хозяйстве влияют на распределение земли по типам хозяйств. Например, в Румынии в 1996 году был традици-

Слайд 6. **Покинутые земли в Кыргызстане**

онный «социалистический треугольник», а в 1998 году кривая приблизилась к кривой Соединенных Штатов. На Украине в 1996 году тоже был «прямой треугольник», т. е.. социалистическое сельское хозяйство: громадное количество мелких хозяйств с незначительной долей земли и небольшое число крупных хозяйств с огромной долей земли, а в 2005 году после всевозможных аграрных реформ, проведенных Кучмой и его предшественником Кравчуком, кривая изменилась и стала менее выпуклой относительно центральной диагонали.

Следующий ресурс — труд: в оценке этого ресурса в сельском хозяйстве мы должны пользоваться показателями полной занятости — наемные работники и самозанятые (ЛПХ и т. д.). Что мы видим на слайде 8: со временем в европейских странах СНГ (нижняя кривая) количество занятых в сельском хозяйстве уменьшается — это естественный процесс в развитых странах, во всех европейских странах СНГ уровень доходов на душу населения выше, чем в других странах, и абсолютное количество занятых уменьшается. Это нормально, тут не о чем беспокоиться, но ваших политиков это иногда беспокоит. Этот совершенно нормальный процесс идет во всем мире, у вас — с 1980 года. С другой стороны, в Средней Азии и Закавказье (верхняя и средняя кривые соответственно) растет сельскохозяйственная занятость, и это индикатор неразвитости. На слайде 8 представлен индекс абсолютного числа занятых в сельском хозяйстве: абсолютная численность занятых в сельском хозяйстве развитых стран падает, но даже в неразвитых странах в последние годы рост прекращается. Моя гипотеза: экономика развивается, рабочая сила перетекает из сельского хозяйства

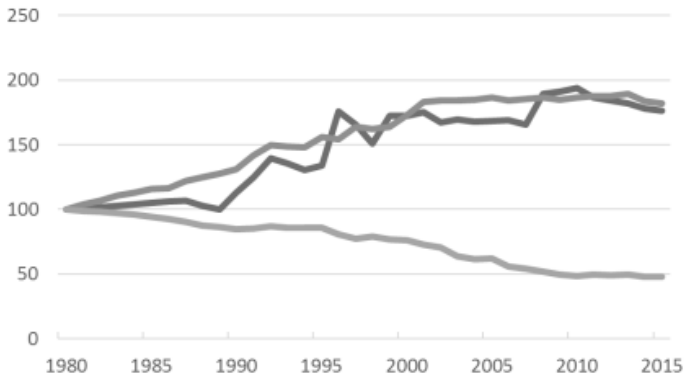

Слайд 7. **Кривая Лоренца: концентрация земель у производителей**

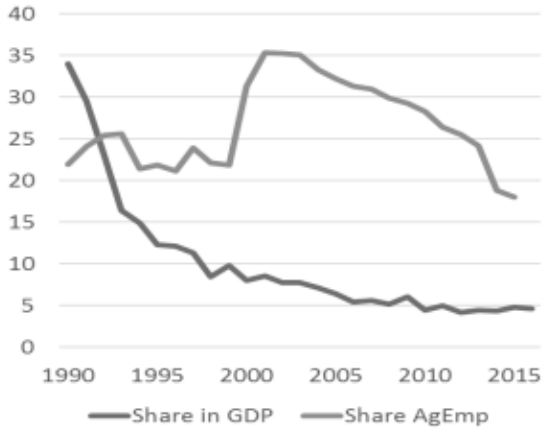
в другие отрасли, главным образом в сферу услуг, — это структурное изменение, его надо изучать.

Рассмотрим отдельно графики сельскохозяйственной занятости (доля занятых в сельском хозяйстве) и производительности сельскохозяйственного труда (доля сельского хозяйства в ВВП) в Казахстане. Трудно пользоваться абсолютными значениями для ВВП, потому что нужны сопоставимые цены, а они не всегда есть, но чтобы оценить долю, достаточно текущих цен. На основании этих двух кривых мы рассчитываем относительную производительность сельскохозяйственного труда: доля ВВП — это доля сельского хозяйства, и если 100% сельского ВВП производится на 100% занятых в сельском хозяйстве, то у нас производительность единица — нейтральная ситуация. Если доля занятых в сельском хозяйстве (оранжевая кривая на слайде 9) больше, чем доля сельского хозяйства в ВВП (голубая кривая), у нас получается меньше единицы — значит, сельское хозяйство менее производительно, чем экономика (слайд 10, начиная с 1992 года). И наоборот, когда доля занятых в сельском хозяйстве меньше доли сельского хозяйства в ВВП (слайд 9, 1990–1991), индикатор больше единицы и означает, что производительность труда в сельском хозяйстве выше, чем в экономике в целом.

Следующий индикатор — материально-технические ресурсы. Тут мы стоим на очень зыбкой почве, поскольку статистики очень мало. Например, по Кыргызстану есть замечательно подготовленная, оформленная и представленная статистика, но что получилось: до 1992 года в ней фигурировала поставка удобрений, а потом по ней перестали отчитываться, а позже стали рассчитывать применение удобрений, в результате эта статистика совершенно бессмысленна (слайд 11). На графике очевиден спад между 1992

Слайд 8. **Рост/спад занятости в сельском хозяйстве по регионам**

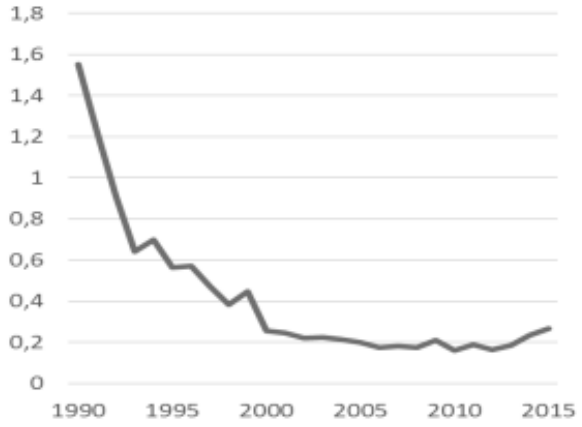

Слайд 9. **Доли сельского хозяйства в занятости и ВВП (Казахстан)**

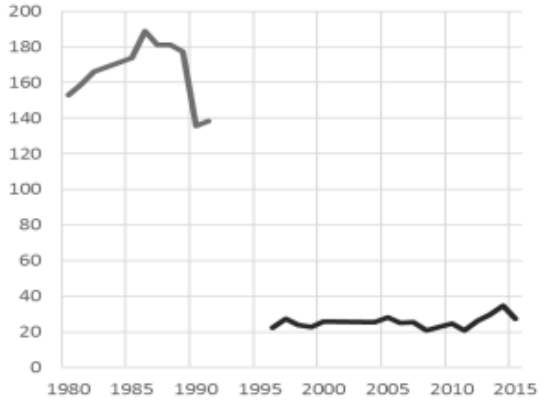
и 1996 годами, но там разрыв, и разные куски кривой представляют разные ряды. В Казахстане оценивается применение удобрений за весь период (слайд 12). Это как бы один и тот же ряд — линия спада, но откуда этот спад? Может быть, это результат изменения методологии статистического учета, а может быть, структурное изменение — у нас нет данных, чтобы принять решение.

С техникой ситуация еще хуже: в Кыргызстане есть данные только по тракторам (в тысячах единиц) — в советские времена наблюдался рост, потом спад. А в Казахстане у нас есть и комбайны, и тракторы, и тоже в постсоветские времена, фактически начиная с 1985 года был острый спад, но после 2005 года никакой статистики нет.

Моя любимая тема — распределение ресурсов по категориям хозяйств. Например, в Таджикистане и многих других странах пашня переходит из СХО в индивидуальный сектор (слайд 13): ЛПХ имели

Слайд 10. **Относительная производительность сельскохозяйственного труда (Казахстан)**

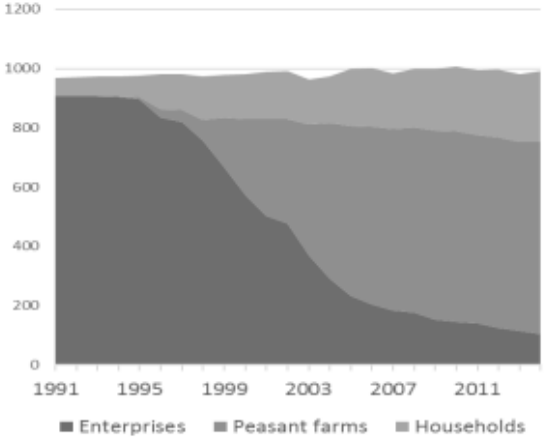
Слайд 11. **Кыргызстан: поставка и применение удобрений в кг на га посевов**

пашню и в советские времена, но главный рост произошел за счет КФХ (крестьянско-фермерских хозяйств). В Кыргызстане площадь пашни в сельскохозяйственных организациях (СХО) сократилась меньше, чем в Таджикистане, а рост КФХ не был столь же бурным. Но Казахстан отличается от остальных стран СНГ — в Казахстане ЛПХ имеют мизерную долю земли (слайд 14). Я этого по сей день не понимаю. Мне надо провести полевое исследование в Казахстане, чтобы понять, что тут происходит, почему столь мизерна доля земли в ЛПХ — совсем тоненькая прослойка.

Важные структурные изменения просматриваются в абсолютных значениях (хотя важны и процентные соотношения), и мы видим по огибающим линиям, что происходит с земельными ресурсами страны — в Таджикистане они сравнительно постоянные (слайд 13),

Слайд 12. **Казахстан: применение удобрений в кг на га посевов**

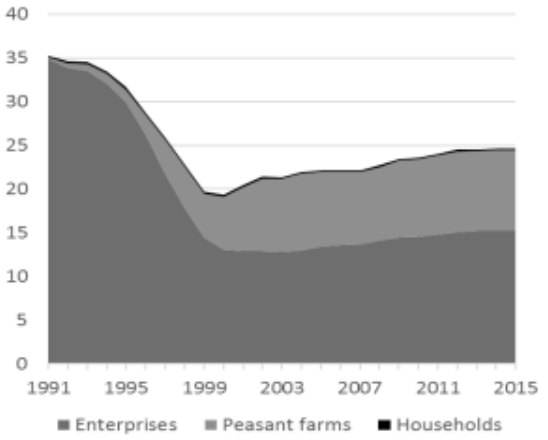

Слайд 13. **Распределение пашни по категориям хозяйств в Таджикистане (тыс. га)**

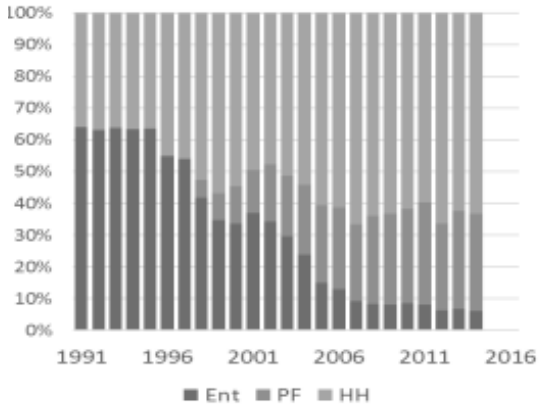
земля не увеличивается, как в Казахстане (слайд 14). На слайде 4 Таджикистан был одним из семи устойчивых, стабильных регионов, а в Казахстане угодья постепенно растут после острого спада в начале 1990-х годов, т. е.. постепенно запущенные земли возвращаются в использование.

Что касается поголовья скота, то ЛПХ — ведущий сектор: в Казахстане, где нет земли в ЛПХ, 60–70% поголовья сейчас в ЛПХ, в Таджикистане еще больше — 80–90%. Роль фермерских хозяйств незначительна, большинство поголовья, несмотря на распределение земли, — в ЛПХ.

На слайдах 15–16 представлена структура валовой продукции по категориям хозяйств в Таджикистане и Казахстане: доля ЛПХ

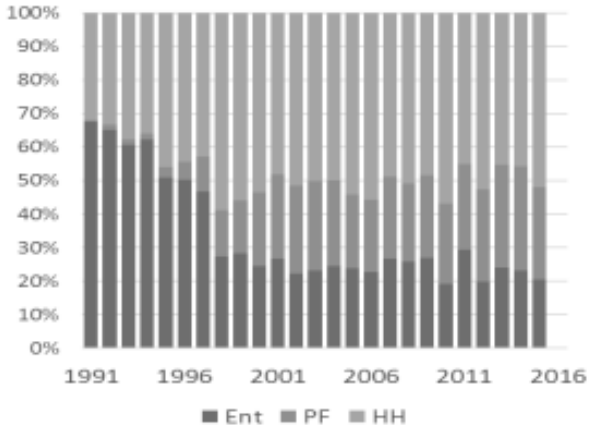
Слайд 14. **Распределение пашни по категориям хозяйств в Казахстане (млн га)**

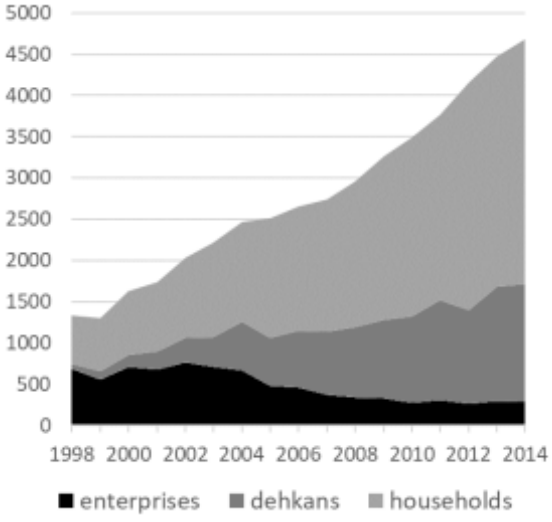
Слайд 15. **Структура валовой продукции по категориям хозяйств в Казахстане**

и КФХ растет, а СХО — уменьшается. Когда-то СХО производили в Таджикистане 65% валовой продукции сельского хозяйства, сейчас — 5%, остальное перешло в индивидуальный сектор (слайд 15). В Казахстане похожая ситуация (слайд 16), несмотря на распределение земли (у ЛПХ тоненькая прослойка земли, но большая доля валового производства). В России и повсеместно КФХ растут, а СХО уменьшаются — это общая тенденция.

Структура валовой продукции оценивается в процентном отношении на основании фактических цен. В сопоставимых ценах в Таджикистане валовая продукция (в абсолютном денежном выражении) растет довольно быстро (слайд 17, огибающая), главным образом за счет индивидуального сектора, а СХО уходят со сце-

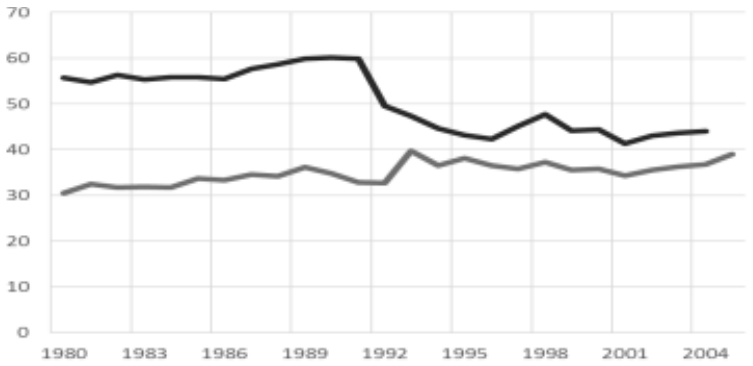
Слайд 16. **Структура валовой продукции по категориям хозяйств в Таджикистане**

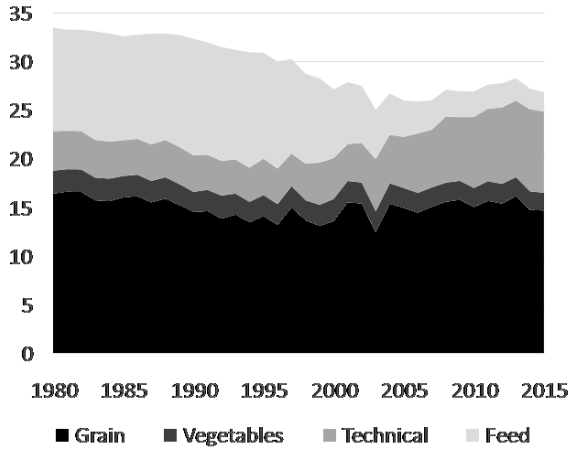
Слайд 17. **Рост валовой продукции в Таджикистане в сопоставимых ценах (миллионы сомон)**

ны. В Казахстане ситуация менее четкая — рост валовой продукции происходит главным образом за счет индивидуального сектора, СХО растут, но их вклад незначителен.

Физическое производство — у меня получилась группировка стран по доле животноводства в общем сельскохозяйственном производстве. У стран с высокой долей животноводства (черная кривая) (Украина, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) в 1980-е годы она составляла 55% валовой продукции, у стран

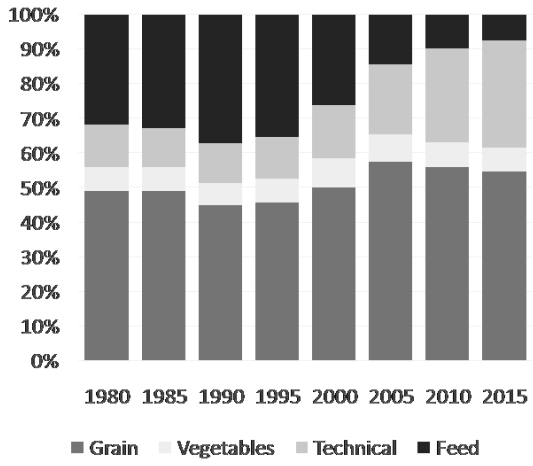
Слайд 18. **Структура сельскохозяйственного производства: доля животноводства в СНГ (%)**

Слайд 19. **Структура посевов в млн га (Украина)**

с низкой (светлая кривая) (Азербайджан, Грузия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) — около 30%. А потом что-то произошло: в странах с высокой долей животноводства она резко снизалась, а в странах с низкой долей — умеренно возросла (слайд 18). Самое интересное в том, что сначала две группы резко различались, а потом начали сближаться — это еще один пример структурного изменения.

Структура посевов представлена на слайдах 19–20 и в миллионах га, и в процентах — оба слайда представляют одни и те же данные. На них видно, как меняется структура производства по группам культур (зерновые, овощи, включая картофель, технические культуры): посевы зерна сокращались, потом росли, но самое главное — резко уменьшились посевы кормовых, несмотря на рост поголовья. Увеличились посевы технических культур, на Украине это

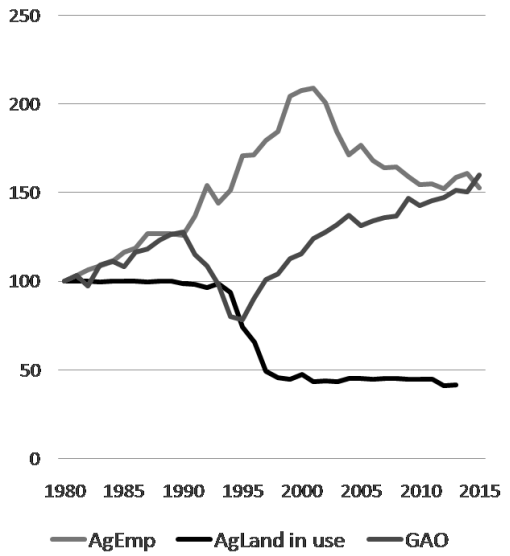
Слайд 20. **Структура посевов в % (Украина)**

главным образом рапс. Несмотря на изменения или благодаря им, общая площадь посевов уменьшается (огибающая на слайде 19). Вероятно, эта ситуация (сокращение посевов кормовых, рост технических, стабильные показатели посевов зерна и овощей) характерна не только для Украины, но и для России.

И, наконец, продуктивность: рассчитывается как валовая продукция на единицу ресурса (земля, рабочая сила). У вас в статистике рассчитывают продуктивность рабочей силы (труда). Главное затруднение здесь в том, что валовая продукция должна быть в абсолютном выражении в сопоставимых ценах, и рассчитать индекс производительности гораздо проще. На слайде 21 показаны три главных индикатора в индексном выражении — это труд в сельском хозяйстве (верхняя кривая), земля в пользовании производителей (черная кривая) и валовая продукция (средняя кривая). Что мы видим: валовая продукция растет, продуктивность земли остается без изменений, труд убывает, т. е. и производительность труда, и производительность земли в общем улучшаются.

Чтобы подсчитать совокупную/общую производительность, необходимо составить производственную функцию, в которой будет определена доля труда и доля земли в производстве, на основе чего можно рассчитать вместо частичных производительностей общую производительность. Но это очень трудно, поэтому встречается крайне редко, и мы ориентировочно рассматриваем только частичную производительность, чего достаточно для оценки рыночной и финансовой инфраструктуры.

Н.И. Шагайда: Спасибо большое за выступление. Действительно, мы используем в своей работе многие упомянутые показатели. Но возникает вопрос: как оценить эффективность структурных сдвигов? Вы остановились на частичной производительности,

Слайд 21. **Главные индикаторы (в индексном выражении) для оценки частичной производительности земли и труда: земля (красная кривая), труд (зеленая кривая), валовая продукция (синяя кривая)**

т. е. частичной оценке эффективности, но можно ли каким-то образом эти многочисленные изменения свести к общей тенденции? Мы считаем, например, что есть много показателей по продуктам, и выявили единый показатель. А можно ли перечисленные вами многочисленные изменения оценить с точки зрения их позитивности? Нужно ли ставить такую задачу в принципе?

Ц. Лерман: Безусловно, нужно ставить такую задачу. Но чтобы ответить на ваш вопрос, надо определить критерий эффективности. Наш критерий — как структурные изменения повлияли на доходы сельского населения. Есть исследования, которые показывают, что во время реформ показатели бедности в некоторых странах уменьшились. Я точно не помню, в каких именно странах, но это факт. Я тоже рассчитывал изменения показателей бедности во время реформ. Это очень легко сделать: возьмите период реформ и рассчитайте индекс бедности, не все двадцать индексов бедности, а выберите один (они все взаимосвязаны) и посмотрите, что с ним произошло. Или оцените, как земельные реформы повлияли на производительность сельского хозяйства: рассчитайте частичную производительность труда и — главное — частичную производительность земли в динамике и посмотрите, каким был результат реформ на Украине или в Азербайджане. Мы видели воздействие реформ на производительность земли.

Н.И. Шагайда: Вы показали очень интересный график распределения земли по хозяйствам. Можно ли, используя такой подход,

при котором, с одной стороны, будет учитываться распределение земли по хозяйствам, а с другой — частичная производительность земли, оценить, каким образом характер распределения по хозяйствам влияет на частичную производительность земли?

Ц. Лерман: Безусловно. Но тут есть серьезное затруднение: производительность земли рассчитывается ежегодно, а по хозяйствам у нас есть лишь единичные данные, которые имеются только в сельскохозяйственных переписях. Я уже говорил о проблеме неполноты статистических данных на уровне страны. Если у нас есть база данных хозяйств, то можно производить любые расчеты и строить какие угодно распределения для хозяйств, в том числе по критерию продуктивности.

А.С. Строков: У меня вопрос про аграрную политику. Можете ли вы назвать страны, где в 1990-е годы проводилась сознательная политика по изменению структуры сельхозпроизводителей или направленная на поддержку КФХ? Или во всех странах это происходило случайно?

Ц. Лерман: Нет, ничего случайно не происходило. Начиная с 1989 года все страны Восточной Европы и весь бывший социалистический мир поставили перед собой задачу, которую можно кратко сформулировать так: перейдем от неэффективной советской модели к более эффективной западной модели. Почему они решили, что западная модель более эффективна? Факты были налицо: у нас нет этого и того, у них есть то, и другое, и третье, поэтому мы должны перейти на более эффективную западную модель — это и была главная цель аграрной политики.

А.С. Строков: Но ваши графики свидетельствуют об обратном: что в некоторых странах (например, в Казахстане) этого не произошло, все досталось крупным землевладельцам — бывшим колхозам. Так, получается?

Ц. Лерман: В одних странах политика не сработала, в других странах правительство ее приостановило. У вас тоже есть масса примеров, когда была определенная политика, а потом от нее отказались — «шаг вперед, два шага назад». Это случалось не только в «ленинские времена», но и в последние десятилетия. Но политика была четкая, все было жестко расписано.

В.Я. Узун: На первых графиках вы показывали, что Узбекистан продемонстрировал совершенно потрясающий рост ВВП. Если оценивать эффективность по этому показателю, то фантастический рост показали центральноазиатские страны. Но когда мы переходим к остальным графикам (земля, особенно производительность труда), то как раз именно эти страны оказываются в гораздо худшем положении. Видимо, рост производства определялся ростом населения. Правильно я понимаю?

Ц. Лерман: В Узбекистане рост валовой продукции действительно был очень быстрым, и не только в Узбекистане, но во всех странах Средней Азии. Но у них также был быстрый рост занятости в сельском хозяйстве, так что производительность труда рос-

ла, но не так резко, как валовая продукция. Что росло очень быстро, так это производительность земли, потому что во всех этих странах, кроме Таджикистана и Туркменистана, земельные ресурсы уменьшились: стало меньше земли в пользовании, но валовая продукция росла — значит, и производительность земли росла. Вот у них есть клочок земли и вместо одного человека там пять работников: производительность труда на члена семьи стала низкой, но клочок земли производил много. Поэтому я и говорю, что необходимо рассчитывать общую производительность, а не частичную.

Э.Н. Крылатых: Очень интересный доклад, проникаешься осознанием, что наука не стоит на месте. По результатам ваших исследований каков ваш прогноз по перечисленным параметрам хотя бы на ближайшие десятилетия? Может быть, даже ощущения, а не конкретные цифры.

Ц. Лерман: Я очень боюсь прогнозировать. Понимаете, один из моих прогнозов, когда я смотрел на тенденции, состоял в том, что ЛПХ постепенно будут расти и превращаться в КФХ, таким образом, со временем у нас будет больше средних хозяйств. Но сейчас кривая Лоренца показывает, что у нас мало середняков и очень много мелких и крупных хозяйств. Этот мой прогноз не оправдался для России, хотя в других странах есть такие изменения. Поэтому я очень боюсь заниматься прогнозами, особенно для конкретных стран. Если говорить об общих процессах, то я уверен, что процесс индивидуализации сельского хозяйства — переход ресурсов и производства в индивидуальный сектор (ЛПХ и КФХ), несмотря на создание и развитие агрохолдингов не только в России, но на Украине и в Казахстане, будет продолжаться. Хотя, повторю, я не люблю делать прогнозы.

Н.И. Шагайда: Коллеги, вы увидели, что мы используем большинство названных показателей, но не все для оценки структурных изменений. Василий Якимович, расскажите, пожалуйста, про наш план исследования.

В.Я. Узун: Я не готовил презентацию, поскольку понимал свою роль как комментирование основного доклада — это первое. И второе: в отличие от профессора Лермана, который рассказал о своей работе за тридцать лет, мне поручено рассказать о том отчете, который мы в этом году напишем. Поэтому я остановлюсь на подходах, которые мы собираемся использовать. Но сначала я хочу сказать, что это был великолепный доклад, выводы, основанные на очень длинных рядах, на большом количестве стран, — это, бесспорно, масштабная оценка того, что происходило на постсоветском пространстве, демонстрация показателей, которые характеризуют последствия структурных изменений. Наша задача — оценить, в каком направлении эти изменения происходят.

Когда речь идет об аграрной структуре, то, как правило, понимается институциональная структура, т. е. соотношение раз-

ных категорий хозяйств в аграрном секторе. Обычно характеристика институциональной структуры формируется таким образом: мы берем три категории хозяйств — сельскохозяйственные организации, крестьянские хозяйства и личные подсобные хозяйства, и оцениваем, как меняется их соотношение с 1990 года. Если смотреть, что предлагала по аграрной структуре наука раньше, то обычно сельхозпроизводителей классифицировали в зависимости от роли крестьянского хозяйства в обеспечении работой и доходами. Этот классический подход XVIII и XIX веков в некоторых странах сохранился по сей день. В Германии есть два класса хозяйств — основные, что дают основной доход и занятость, и побочные, подсобные — они дают частичный доход и частичную занятость. Анализ всегда ведется по таким двум классам. Была еще давняя теория живучести и устойчивости семейного крестьянского хозяйства: выделяли семейное или трудовое семейное хозяйство, которое производит сельхозпродукцию, и производителей, которые вели хозяйство с применением наемного труда (батраков или крепостных в разные периоды). В XIX и XX веках главный вопрос заключался в том, какова доля трудовых семейных хозяйств и хозяйств с наемным трудом в производстве сельхозпродукции. Это было принципиально, поскольку на рубеже веков обсуждался вопрос о том, что будет дальше. Марксисты говорили, что большие хозяйства с наемным трудом станут главными, а крестьянское хозяйство — это умирающая категория. Их противники считали иначе, но в разные периоды прогнозы менялись.

В конце XIX — начале XX века тенденция в мировом сельском хозяйстве была такой: доля наемных работников и доля в сельхозпроизводстве хозяйств с наемными работниками росла очень быстро. Известная работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» показала, что доля крупных хозяйств, где кулаки-мироеды используют наемный труд, растет. В начале XX века картинка вдруг стала меняться — численность наемных работников стала быстро падать. Например, во Франции: было 5 миллионов наемных работников, быстрый рост до этого показателя, а потом за очень короткий период падение, и остался всего 1 миллион, хозяйства вновь стали семейно-трудовыми благодаря механизации сельскохозяйственных работ. Чаянов все свои работы построил на этих фактах и на том, что предсказания классиков не сбылись (что структура сельского хозяйства изменится и будут преобладать хозяйства с наемным трудом). Статистика после 1920 года показывает, что ситуация изменилась, семейное хозяйство выжило благодаря кооперации, технике и росту производительности и продолжало увеличивать производство, сокращая численность наемных работников.

Эта ситуация сохранялась на протяжении XX века. Последний раз я анализировал соотношение хозяйств с наемным трудом и без него в конце 1980-х годов, тогда во многих развитых странах Европы лишь 1–2% занятых были наемными работниками, а 98% — это

семья с членами хозяйства. Есть, конечно, страны, где наемных работников больше — до 30%. Я бы хотел эти ряды проанализировать с 1900 года и посмотреть, что произошло в конце XX и в начале XXI века. В нашем аналитическом докладе был поставлен вопрос: наше сельское хозяйство — сплошь наемные работники, но в теории такое хозяйство неэффективно, а что происходит в других странах? Вот мы крупнейшее хозяйство заводим: один хозяин, 20 тысяч наемных работников в агрохолдинге, хозяин сидит в Москве или за границей и не видит, что там делается, — вот такое хозяйствование, как давно доказывалось, неэффективно. Но мы идем по такому пути и видим, что наше крупное хозяйство эффективно и конкурентно на внутреннем и мировом рынке. Есть, может быть, причины политические, но это именно так. Вопрос: куда нам идти дальше? Продолжим строить сельское хозяйство, состоящее сплошь из наемных работников?

Цви говорил, что в европейской части постсоветских стран производительность растет, а численность занятых сокращается. И в России она фантастически сократилась — по сравнению с 1990 годом в 10 раз, а раз мы вышли на уровень производства 1990 года, то значит, в 10 с лишним раз повысилась производительность, по отдельным видам продукции — в 15. Иными словами, у нас ситуация особая. Первый вопрос о структурных сдвигах — какого рода хозяйства у нас есть, куда мы движемся и куда мы придем?

Второй важный момент. Цви показал, что во многих странах (исключая Таджикистан) доля крупного хозяйства подросла (Казахстан, Украина, в небольшой мере в прибалтийских республиках), везде средний размер хозяйства, имея в виду объемы производства, растет, но вместе с тем возникла особая проблема — агрохолдинги. 95% разговоров о сельском хозяйстве России ведется вокруг агрохолдингов — они главные, основные, им — капиталовложения, господдержка, они на мировом рынке, они работают с высокой производительностью. Но какова их доля в валовой сельскохозяйственной продукции? Какова их доля в использовании трудовых и земельных ресурсов? Ни одного официального показателя по агрохолдингам в стране нет. Мы двадцать лет говорим об этом, но Росстат так и не наладил статистику, и в принципе агрохолдинг как организационно-правовая форма не узаконен. Поэтому в качестве одного из результатов нашего исследования мне хотелось бы получить ответ на вопрос: какова реальная роль агрохолдингов? Мы пытались ответить на него десять лет назад, в 2006 году, и показали тогда, что у агрохолдингов 2% занятых, 3% земли и 7% производства, т. е.. их роль была очень незначительна. А какова она сейчас? По всем предварительным оценкам, получается, что сейчас они — основной производитель сельскохозяйственной продукции: около половины всей сельхозпродукции производят агрохолдинги. Мы планируем продолжать работу на основе статистики.

Концерн BASF насчитал в России 127 агрохолдингов, хотя существует определение агрохолдинга, но в списке этом в основном клиенты самого BASF, многие из которых агрохолдингами не являются. Мы же хотим, опираясь на официальные данные, выявить, сколько в стране агрохолдингов, как они называются, чем они владеют, что производят, какова их эффективность. Без этого структурные изменения в сельском хозяйстве России сегодня охарактеризовать очень трудно, вернее, невозможно. Получится, что мы не видим основных производителей, определяющих погоду в этом секторе экономики.

Структурные сдвиги будут проанализированы также исходя из размеров хозяйств на основании официального законодательства. В нормативно-правовых актах говорится о четырех видах хозяйств: микропредприятиях, малых, средних и крупных. Естественно, есть статистические трудности: скажем, приходится считать все ЛПХ микропредприятиями, а это до 15 человек занятых и до 120 миллионов рублей товарной продукции. У нас есть база первичных данных по каждому сельхозпредприятию страны за 2013–2016 годы, но если по сельхозорганизациям в этой базе почти стопроцентный охват, то по крестьянским хозяйствам — в ней присутствуют только лучшие, крупнейшие хозяйства, которые Минсельхоз так или иначе поддерживает субсидиями (57 тысяч). Поскольку есть первичные данные, мы легко можем их распределить на микро, малые, средние и крупные, а остальные КФХ, наверное, придется, как и ЛПХ, считать микропредприятиями с выручкой до 120 миллионов рублей и с численностью до 15 человек. Такой анализ мы уже пробовали делать и в отчете опишем роль каждой категории хозяйств.

Есть еще ряд вопросов, и главный — вопрос о собственности, который был актуален еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Вся реформа была нацелена то, чтобы превратить государственное в частное. Но нужен, по сегодняшней статистике, ответ на вопрос: кто же владеет сельским хозяйством? Как сейчас распределена сельскохозяйственная земля, работники и производство? Здесь, по предварительным данным, мы видим, что произошли кардинальные изменения. В начале 1990-х годов были коллективные сельскохозяйственные предприятия — сначала колхозы/совхозы, потом их реформировали, и все бывшие члены этих хозяйств стали собственниками, в среднем по 500 человек на хозяйство. Сегодня ситуация такова: основная часть сельхозорганизаций — это частные хозяйства, принадлежащие одному человеку. Мы хотим сгруппировать СХО по числу собственников, указать доли хозяйств: один собственник, от двух до пяти, 5–10 и больше 10 (последних осталось очень мало, т. е.. сельское хозяйство стало частным).

Если смотреть с этих позиций, то оказывается, что с агрохолдингами мы вышли далеко за пределы определений, имеющихся в литературе: то, что мы имеем сегодня, в литературе вообще не описано. Агрохолдинг рассматривается как головная компания,

владеющая какими-то предприятиями, а у нас не так — у нас есть холдинги государственные, где одна государственная структура владеет большим количеством предприятий; есть юрлица, соответствующие определению, которое есть в литературе, что такое холдинг (юрлицо, головная кампания, владеет какими-то предприятиями). Но у нас есть холдинги, принадлежащие одному человеку.

Ц. Лерман: То есть «человек-холдинг»?

В.Я. Узун: «Человек-холдинг», не юридическое лицо, а человек, у которого 20 сельскохозяйственных организаций и полмиллиона гектаров земли. Иными словами, необходимо понять роль разных холдингов, классифицировать агрохолдинги и по собственникам в том числе.

По предварительным данным, ситуация такая: власти не знают, что происходит в сельском хозяйстве, кому оно принадлежит, как все распределено, что здесь делается, не говоря уже о том, что никто не знает, как распределены доходы. Цви говорил, что нужно пользоваться показателем «доходы сельских жителей». У нас сельское хозяйство развивается быстрыми темпами, основная продукция производится внутри страны, оно вышло на мировые рынки, т. е. мы кормим сотни миллионов людей за границей, богатеют производители-экспортеры, но село беднеет и все больше отстает от средних показателей по стране.

Другой важный аспект оценки — организационно-правовые формы хозяйств. В начале реформ были споры о том, какие формы правильные, а какие неправильные. Производственные кооперативы считались правильными, Дума давала им большие преференции, считалось, что производственные кооперативы в сельском хозяйстве — это путь России. Но есть публикации Е.А. Гатаулиной с коллегами, в которых показано, что это не так, что предсказания ученых не сбылись. Структура организационно-правовых форм существенно изменилась за последние 20–30 лет — так что нужно проанализировать и этот аспект российского сельского хозяйства.

И, конечно, нужен анализ аграрной структуры не только по стране, но и по регионам. Валерий Александрович Сарайкин написал книгу, где продемонстрировал типологию аграрных структур по регионам на базе переписи 2006 года. Но теперь есть свежая перепись, последние данные по разным типам хозяйств, и нужно разработать новую типологизацию аграрных структур регионов. Регионы стоит разбить на три группы: первая — где доминируют холдинги и другие крупные корпоративные хозяйства, вторая — семейные хозяйства типа узбекских, таджикских или азербайджанских, третья — смешанные, где примерно в равных пропорциях представлены обе предыдущие группы хозяйств.

Современная аграрная структура — это в значительной мере результат аграрной политики правительства России, нацеленной на поддержку агрохолдингов. Им достается основная часть господдержки. Тем самым агрохолдинги получали конкурентное пре-

имущество и вытесняли малый бизнес, просто убирали его с дороги, уничтожали. Нужен анализ, чтобы сказать: а если бы мы делали по-другому, так, как в Западной Европе, в Соединенных Штатах, если бы крупном бизнесу не давали столько денег? Ведь в большинстве стран такие богатые люди, как владельцы Мираторга или Кубаньагрохолдинга, вряд ли бы пошли за господдержкой и получили миллиарды рублей. Деньги обычно дают бедным, начинающим фермерам, маленьким хозяйствам, чтобы удержать их на территории, чтоб в регионе была работа, а мы поступаем наоборот — даем крупному, убираем мелких, поэтому в России сложилось очаговое развитие сельского хозяйства. Один агрохолдинг, допустим, в Псковской области, дает 70% валовой продукции сельского хозяйства, а больше на территории ничего нет, все остальное загублено. Понятно, что все, что я рассказываю, требует неимоверных усилий по добыче информации и ее анализу.

Н.И. Шагайда: Мы продолжим работу, о которой рассказал Василий Якимович, в 2019, 2020, 2021 и 2022 годах. Значительные усилия уходят на то, чтобы выделять агрохолдинги. Собственно говоря, мы хотим посмотреть, как изменились их размеры, концентрация капитала, размеры выручки, какие изменения произошли в специализации и концентрации производства в целом по стране и по территориям. Мы каждый раз хотим сделать отчет небольшой кровью, но увлекаемся и начинаем смотреть, сколько «человек-холдингов» в стране. А для этого нужно выяснить всех учредителей, посмотреть, кто имеет контрольный пакет, потом посчитать, сколько таких контрольных пакетов по всей стране. Поэтому сегодня мы затронули лишь два аспекта: первый — структурные изменения в стране на фоне других стран, на чем останавливался в основном профессор Лерман; второй — изменения в аграрной структуре России.

Round table “Assessment of structural changes in agriculture: Methodological approaches and estimated results”. Center for Agro-Food Policy, Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, May 10, 2018

Elmira Krylatykh, academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Head of the Department of Organizational Management, Higher School of Corporate Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

Zvi Lerman, Sir Henry d'Avigdor Goldsmid Professor Emeritus of Agricultural Economics, Department of Environmental Economics and Management, Robert H. Smith Faculty of Agriculture, Food and Environment, Hebrew University of Jerusalem (Israel), P.O. Box 12, Rehovot, 76100, Jerusalem, Israel. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il.

Anton Strokov, Senior Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: strokov-as@ranepa.ru.

Vasily Uzun, DSc (Economics), Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru.

Natalia Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru.

The round table on the "Assessment of structural changes in agriculture: Methodological approaches and estimated results" was held under the leadership of Natalia Ivanovna Shagaida, head of the Center for Agro-Food Policy, and consisted of two main reports and discussion on them. The first report "International methodological approaches to assessing structural changes in agriculture" was presented by Zvi Lerman, professor at the Hebrew University of Jerusalem. Uzun Vasily Yakimovich, chief researcher of the Center for Agro-Food Policy, presented the second report "Assessment of structural changes in Russian agriculture: Hypotheses and research methods". Professor Lerman conducted a comparative analysis of the dynamics of various indicators of structural changes in agriculture of such post-socialist countries as Russia, Ukraine, Belarus, Moldova, Armenia, Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan. Professor Uzun was a co-rapporteur of professor Lerman and described structural changes in Russian agriculture paying special attention to the institutional components of agrarian structural changes associated with the interrelation of large and small forms of agricultural production. At the end of the seminar, the discussion focused on the phenomenon of agroholdings as the main factor of diverse and ambiguous agrarian changes in the contemporary Russian agriculture.

Keywords: agriculture, post-socialist countries, structural changes, agroholdings, research methods.